

О СООТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И ЯЗЫКА

В начале прошлого века испанский философ Сальвадор де Мадарнаг предложил теорию национального характера на основе разграничения трех фундаментальных свойств: разума, воли и страсти (критерию разума соответствует французский характер, воли – английский, а страсти – испанский).

Французскому мышлению представляется естественным состоянием, оно стремится к ясности и не терпит иррациональности. В научной сфере ему ближе всего математика, логика. Отсюда склонность к соразмерным пропорциям, геометрически выверенным построениям.

Для англичанина главное в осуществлении воли. Он прагматичен и ориентируется прежде всего на развитие волевых и телесных качеств. Отсюда и спорт как неперемнная часть английской жизни.

Преобладающая черта испанского характера заключается в том, чтобы оберегать личное достоинство. Если обстоятельства того потребуют, испанец может пренебречь практической выгодой и доводами разума.

Очень показательны различия в оценке социальной значимости людей у французов и англичан. Во Франции особенно высок престиж интеллектуала-

лов. в Англии – бизнесменов и родовой аристократии. И в этом противопоставлении выявляется некая глубинная черта: у французов приоритет отдается отвлеченному разуму, у англичан – скорее здравому смыслу, французу ближе рациональные схемы в организации жизни, англичанину – природные начала. Если французская культура сравнима с «лабораторией ума», то английская скорее с «мастерской мира».

Интересно, что в некоторых случаях для подкрепления своих культурологических положений Мадариага обращается к лингвистическим аргументам. Так, он соотносит общую характеристику французской и испанской культуры соответственно с ключевыми словами *droit* «право» и *honor* «честь» и противопоставляет высокий уровень единства французского языка, с одной стороны, и стремление испанских провинций к языковой независимости – с другой. *Fair play* – это не просто спортивный термин, это идея трезво-практического отношения англичан к жизни вообще.

В отношении русских у Мадариаги встречаются лишь спорадические суждения: этот народ богато одарен в духовном плане, но «совершенно лишен какой-либо склонности к действию. Он столь же безграничен и лишен формы в своем уме, как и те равнины, которые он населяет». Подобное мнение часто встречается у разных наблюдателей. Для немца Вальтера Шубарта, например, Западная Европа – это форма без жизни. А Россия – жизнь без формы. Русский человек – это человек души. Но, в отличие от европейцев, он отдален от мира. «Русских надо отвоевать для мирской жизни, примирить их с миром... Русский должен стать деловитее, а европеец – добродетельнее». «Англичанин смотрит на мир как на фабрику, француз как на салон, немец как на казарму, русский как на храм. Англичанин жаждет добычи, француз славы, немец власти, русский – жертвы; англичанин ждет от ближнего выгоды, француз стремится вызвать у него симпатию, немец хочет им командовать, и только русский не хочет ничего».

Близкие суждения обнаруживаются с русской стороны. Н. А. Бердяев, довольно жесткий в отношении некоторых черт «русскости» («легко задевают личность другого человека, говорят вещи обидные, бывают неделикатны»), в чем-то словно повторяет Шубарта: «Когда сравниваешь русского человека с западным, то поражает его недетерминированность, нецелесообразность, отсутствие границ, раскрытость в бесконечность, мечтательность. Это можно видеть в каждом герое чеховского рассказа». «У русских гораздо меньше уважения к самой мысли, чем у людей западных. Они легко переходят от рассмотрения вашей мысли к нравственному требованию от вас, требованию подвига святости или революционного героизма в зависимости от направления. Совершенно другие свойства я вижу у французов... У них очень затруднено общение в русском смысле слова. Соприкосновение душ почти невозможно. Всегда остается дистанция... В общении есть большая условность, условная вежливость и любезность. У них совсем нет русской душевности».

На свойства душевности и повышенную эмоциональность вообще часто указывают как на характерные особенности русского человека. Так, американский журналист Хедрик Смит, живший в Советском Союзе в 70-е годы прошлого века, отмечает, что в этом отношении русские напоминают американцев, отличаясь от более «сложных» французов и сдержанных немцев и англичан.

Можно привести большое количество других черт, общего или частного порядка, которыми обычно характеризуются русские, а иногда, в более широком смысле, славяне вообще. Но в целом, ориентируясь на критерии Мадариаги, можно заключить, что русский человек, в отличие от испанца и особенно француза или англичанина, чаще всего воспринимается в плане этических и эмоциональных оценок. И снова следуя примеру Мадариаги, обратимся к языковым фактам.

Анне Вежбицкой принадлежит плодотворная мысль о том, что «некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры...Исследуя эти центральные точки, мы, возможно, будем в состоянии продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом и часто имеющие объяснительную силу, которая распространяется на целый ряд областей». В этом свете автор рассматривает такие ключевые для русской культуры слова, как *душа*, *судьба*. Показательно ключевое слово *правда*, ярко иллюстрирующее тезис о способе выражения этической доминанты в русской культуре. Это слово, конечно, семантически соотносится с ключевым словом *истина* как концептом рационального порядка, но в русской национальной психологии *правда* пользуется более высоким этическим «рейтингом», потому что *правда* – это не просто *истина*, а *истина-справедливость* – оттенок, не свойственный рациональному французскому аналогу *vérité* или английскому *truth*. В таком же смысле можно трактовать слова типа *интеллигенция* или *совестливость*.

И, наконец, об особой эмоциональности славянских языков.

В богатой идеями и материалом книге «Struktura języków francuskiego i polskiego w świetle analizy porównawczej» (1957 г.) Б. Кельский констатирует, что славянские языки отличаются особо значительным набором специализированных средств для выражения уменьшительности и ласкательности. Это особенно бросается в глаза на фоне словообразовательной скудости французского языка (ср., например, с одной стороны, весьма слабую вариативность диминутивных форм даже для такого исторически, культурно и социально значимого личного имени, как *Jean*, и, с другой стороны, неограниченное видоизменение русского антропонимического аналога *Иван*).

Но дело не только в количественных различиях. Сопоставляемые языки оказываются на разных позициях и в том, что касается функциональных возможностей ласкательно-диминутивных форм. В русском языке они обладают исключительно широким эпидигматическим потенциалом, по сути немисли-

мым, например, для французского языка. Среди их вторичных применений выделяются факты, связанные с выражением вежливости («одну минуточку» в качестве просьбы подождать) или отрицательной оценки, вплоть до язвительной насмешки («...был плюгавик, смешно упакованный в костюмчик с галстучком»).

Возникает вопрос об основах описанной выше корреляции между типом национального характера и особенностями соответствующего языка. На этот вопрос, очевидно, нельзя найти односложного ответа. Слишком многообразны и специфичны имевшие здесь место факторы культурного порядка. Но один из них привлекает к себе повышенное внимание – это фактор возраста культуры. Таков был по существу подход Н.А.Бердяева, для которого корни французской культуры уходят в Греко-латинскую античность. Отсюда большая скованность, ритуализованность в поведении француза. И, добавим, в качестве семиотической параллели, большая нормализованность, рационалистичность французского языка.

В то же время Бердяев связывал многие особенности русского поведения с фактом относительной молодости русской культуры. Не потому ли В.В. Набокову русский язык казался гениальным, но еще зеленым юношей? Не этим ли, в конечном счете, можно объяснить явную этическую отмеченность и особо значительный уровень эмотивности русского языка?